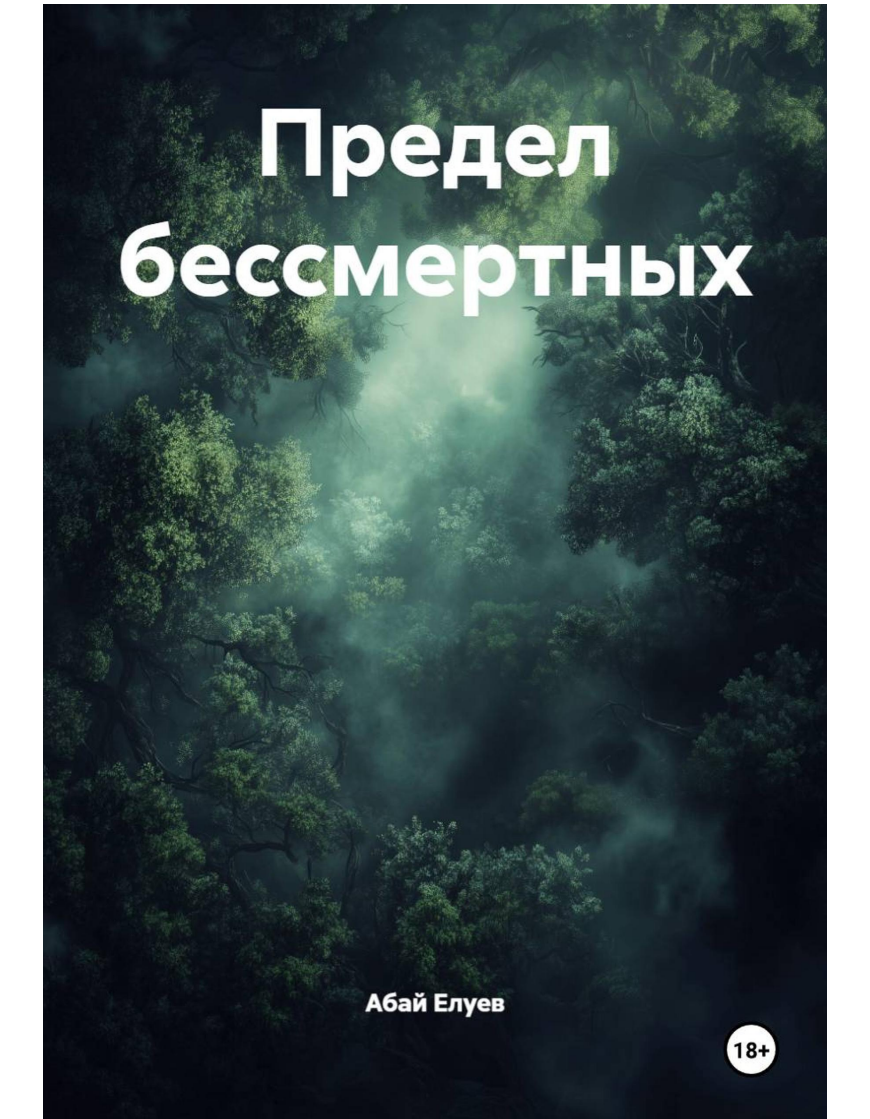

Предел бессмертных

Абай Елуев

18+

Абай Елуев

Предел бессмертных

<https://litres.ru/74222563>

SelfPub; 2026

Аннотация

2098 год. Человечество победило старение, но плата за вечную молодость оказалась страшной.

По закону «Терминального Предела» каждый гражданин Земли обязан пройти процедуру добровольного ухода в день своего 150-летия. Никаких исключений. Рождение нового ребенка возможно лишь тогда, когда кто-то из стариков освободит свой литр кислорода.

Алексей Корсак — архитектор этого закона. Через три дня на глазах у трех миллиардов зрителей он должен шагнуть в Белую Камеру и умереть как герой, доказав священность баланса. Но за шаг до финала он получает секретный архив программы «Орион-9» и узнает правду:

Земля не умирает от дефицита ресурсов. А «Закон Заката» был создан лишь с одной целью — запереть человечество в планетной клетке и скрыть ужасающую мутацию, которая ждет бессмертных в глубоком космосе.

Что выбрать, когда на кону судьба вида: сохранить уютную ложь, спасающую мир от хаоса, или бросить искру правды в сухой порох восставших ярусов?

Содержание

Глава	4
Аннотация	5
ПРОЛОГ: Цена полного вздоха	7
ГЛАВА 1: Архитектор Финала	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Абай Елуев

Предел бессмертных

Глава

Абай Елуев

Предел бессмертных

Бессмертие — это не дар.

2026

Аннотация

2098 год. Человечество победило старение, но плата за вечную молодость оказалась страшной.

По закону «Терминального Предела» каждый гражданин Земли обязан пройти процедуру добровольного ухода в день своего 150-летия. Никаких исключений. Рождение нового ребенка возможно лишь тогда, когда кто-то из стариков освободит свой литр кислорода.

Алексей Корсак — архитектор этого закона. Через три дня на глазах у трех миллиардов зрителей он должен шагнуть в Белую Камеру и умереть как герой, доказав священность баланса. Но за шаг до финала он получает секретный архив программы «Орион-9» и узнает правду:

Земля не умирает от дефицита ресурсов. А «Закон Заката» был создан лишь с одной целью — запереть человечество в планетной клетке и скрыть ужасающую мутацию, которая ждет бессмертных в глубоком космосе.

Что выбрать, когда на кону судьба вида: сохранить уютную ложь, спасающую мир от хаоса, или бросить искру правды в сухой порох восставших ярусов?

©Абай Елуев, 2026

ПРОЛОГ: Цена полного вдоха

Лампа над операционным столом не гудела — она тихо, по-мышинному шуршала, нагоняя на стерильный пластик мелкую вибрацию. В блоке «Б» на сороковом ярусе воздух всегда отдавал жженым пылевым фильтром и сыростью, стекавшей по коммуникационным шахтам с Верхних парков.

Марк Левин натянул перчатку. Синтетическая кожа с тихим щелчком облегла сухие, длинные пальцы.

Ему было девяносто восемь. Каждое утро, глядя в зеркало, он видел одно и то же лицо: гладкие, без единой складки виски, тугой подбородок, идеальный ровный тон эпидермиса, выведенный генотерапией третьего поколения. Никаких мешков под глазами, никакой сети морщин у углов губ. Ничего из того, что раньше указывало на прожитые годы. Только глаза — выцветшие, сероватые, с мутной пленкой на радужке — выдавали его с потрохами.

— Давление сто десять на семьдесят, — произнес Левин. Голос прозвучал глухо из-за респиратора. — Держись, Анна?

Женщина на кушетке не ответила. Она только судорожно сглотнула. Ее губы пересохли и потрескались, на подбородке запеклась капелька подсохшей слюны. Анна была молода — по нынешним меркам совсем девчонка, всего тридцать два года. Ее длинные, светлые волосы прилипли к липкому от пота лбу.

Рядом, вцепившись пальцами в край хромированного стола, стоял ее муж, Виктор. На нем была помятая куртка из дешевого вторичного нейлона, от которой пахло техническим маслом и сырым подземным воздухом. Его пальцы побелели от напряжения. Он не смотрел на жену. Его взгляд, неподвижный и сухой, был прикован к небольшому настенному терминалу с поцарапанным экраном.

На дисплее мигала ровная, неторопливая надпись:

[СЕРТИФИКАТ ЗАМЕЩЕНИЯ: ОЖИДАНИЕ ВЕРИФИКАЦИИ]

В блоке было тихо. Слышно было только, как за тонкой гипсокартонной перегородкой ритмично качает воду магистральный насос — тук... тук... тук... — да шипит в углу старый увлажнитель воздуха, выбрасывая струйки теплого пара.

— Сколько еще? — шепотом спросил Виктор. Его голос растрескался, как сухая глина. — Марк, сколько у нас времени?

— Минута. Может, полторы, — Левин поправил датчик на бедре роженицы. — Монитор фиксирует потуги. Если ребенок выйдет до активации квоты, мне придется вколоть миорелаксант. Ты знаешь порядок, Виктор. Никаких исключений.

— Он в логистическом центре, — Виктор судорожно провел ладонью по лицу, оставляя на лбу темную полосу грязи. — Вызов прошел пять минут назад. Он пошел сам. Он обещал, что не будет затягивать.

— Твой дед — упрямый старик, — тихо отозвался врач, проверив уровень оксигенации. — Иван Корсак строил этот сектор, когда тут кроме бетона и крыс ничего не было. Такие люди не любят уходить по чужому расписанию.

— Он обещал! — выкрикнул Виктор, и его голос сорвался на хриплый, почти удушливый фальцет.

Анна на кушетке стонала. Она сжала зубы так, что послышался сухой хруст. Ей хотелось закричать, но сил не было — последние четыре часа из нее выкачивали все соки. Ее паль-

цы судорожно скребли по искусственной коже матраса.

— Виктор... — прошептала она, не открывая глаз. — Он... он идет. Я чувствую. Надави...

— Стой! — Левин жестко перехватил ее плечо. — Не тужься, Анна. Задержи дыхание. Если головка прорежется без сигнала — системы перекроют подачу кислорода в палату. Автоматика не разбирается, кто рожает, а кто принимает.

На терминале тихо мигнул диод. Напряжение в палате стало почти физическим — оно пахло кислым потом, септиком и страхом.

Экран коммуникатора на поясе Виктора задрожал. Раздался сухой, трескучий зуммер аналоговой линии. Виктор выхватил прибор дрожащими руками, чуть не выронив его на заплесанный базальтовый пол.

На крошечном дисплее появилось видео.

Картинка была дерганой, мыльной, с зелеными полосами помех — сигнал с подземных ярусов проходил с трудом. В кадре было лицо Ивана Петровича.

Строго говоря, это было не лицо старика в привычном,

историческом смысле. Не было глубоких заломов, не было дряблой кожи на шее. Генотерапия сорокалетней давности держала мышечный каркас идеальным. Но лицо казалось мертвым — серым, словно вытесанным из дешевого инкерманского камня. Глаза за мутной линзой казались маленькими и абсолютно сухими.

Он сидел в мягком, обтянутом кожзаменителем кресле. Сзади него виднелась затертая кафельная стена с эмблемой Инспекции Регуляции — песочные часы, с которых осыпалась краска.

— Витя, — произнес Иван Петрович. Голос сквозь динамик пробивался с легким металлическим дребезгом. — Не шуми. Я тут.

— Дедушка... — Виктор опустился на одно колено прямо у стола. — Вы в кабинете?

— В третьем распределительном, — старик качнул головой. Рядом с ним мелькнула рука в серуватом рукаве инспектора — сухая, с аккуратно остриженными ногтями. — Капельницу уже поставили. Хватит трястись, парень. Ты орешь так, будто тебя самого на утилизацию ведут.

— Прости нас, дед... — прошептал Виктор, уткнувшись

лбом в край стола. — Прости, если бы мы могли... если бы квартиру дали раньше...

— Перестань, — сухо вато отрезал Иван Петрович. В его тоне не было ни трагизма, ни обиды — лишь тяжелая, вековая скука человека, который устал от бесконечного шума этого города. — Я жил сто пятьдесят лет, Витя. Знаешь, сколько это? Это пятьдесят тысяч утра. И каждое утро пахнет одинаково — этим чертовым переработанным кислородом и соевым кофе. Я забыл, каков на вкус настоящий огурец. Я забыл, как шумит настоящий дождь, не из охлаждающих башен. Вы думаете, вы мне одолжение делаете, пытаетесь задержать тут еще на пару лет?

Он помолчал. На видео было видно, как инспектор наклонился к его уху, что-то тихо уточняя. Старик едва заметно кивнул.

— Там, у вас... ребенок? — спросил Иван Петрович.

— Рожается, дед. Прямо сейчас.

— Назовите Иваном, если мальчик, — старик слабо, одними уголками губ улыбнулся. — И не делайте из него биохакера. Пусть вырастет нормальным дураком. Дуракам жить проще. Они не считают, сколько литров воды осталось в ре-

зервуаре.

Инспектор на заднем плане поднял серый пластиковый цилиндр. По прозрачной гибкой трубке потекла густая, темная жидкость — «Слип-9». Она продвигалась к катетеру на предплечье старика медленно, толчками.

Иван Петрович посмотрел в объектив камеры. Его зрачки начали медленно расширяться, веки тяжелеть.

— Пошла прохлада по венам... — тихо, с каким-то странным облегчением пробормотал он. — Хорошая штука. Быстрая... Рожайте, Витя. И проветривайте комнату. У вас там дышать нечем.

Экран мигнул и погас. Линия отключилась.

В ту же секунду настенный терминал в операционной издал короткий, металлический щелчок. Красная надпись сменилась ровным, тускло-зеленым светом:

[СЕРТИФИКАТ ЗАМЕЩЕНИЯ: АКТИВИРОВАН]

[СДОХНО: 1 (КОРСАК И. П., 150 ЛЕТ)]

[КВОТА НА ВДОХ: ВЫДАНА]

— Есть квота! — Левин даже не изменился в лице, его движения остались чистыми, сухими, отработанными. — Давай, Анна. На выдохе. Сильно.

Анна закричала — низко, нутряно, выжимая из себя последние остатки сил. Виктор не поднимал головы с пола, его плечи мелко и бесшумно дрожали.

Спустя пятнадцать секунд тишину блока разорвал короткий, хриплый, влажный звук.

Ребенок зашлепал губами, задохнулся мокрой слизью, а потом вытолкнул из легких первый в своей жизни воздух — тяжелый, стерильный, пропущенный через сотню угольных фильтров Мегалополиса.

Левин подхватил младенца за лопатки, ловко перерезал пуповину зажимом и положил сморщенное, красноватое тело на весы.

— Мальчик, — произнес врач, записывая цифры в бумажный блокнот — электронные реестры на этом ярусе постоянно сбоили. — Три килограмма сто граммов. Время: ноль четыре двенадцать. Живой.

Ребенок плакал — тонко, требовательно, наполняя тесный бетонный бокс своей первой, еще не осознанной злостью на этот мир.

За стеной продолжал стучать насос — тук... тук... тук... В углу шипел увлажнитель. Ничего не изменилось. Популяция сектора 14-Б осталась ровно той же, что и десять минут назад. Уравнение сходилось с точностью до грамма.

ГЛАВА 1: Архитектор Финала

За три дня до своего Терминального Дня Алексей Корсак не мог уснуть. Впрочем, понятия «сон» и «бодрствование» на 180-м ярусе Башни Регуляции давно потеряли четкие границы.

В кабинете пахло старой бумагой, озоном от климатической установки и легким привраком крепкого аналогового табака. Корсак сидел за массивным столом из прессованного базальта. Перед ним лежала перьевая ручка — тяжелая, с постертершимся позолоченным пером, подаренная ему еще в середине века.

Он смотрел на свои руки.

Кожа на тыльной стороне ладоней была упругой, ровной, с едва заметным рисунком тонких синеватых вен. Ни единого пигментного пятна. Ни единой дряблой складки. Генотерапия «Теломераза-Х» идеальным корсетом держала его мышцы, фасции и связки. Если бы не тяжелая, свинцовая усталость в суставах, которая не фиксировалась ни одним сканером, он выглядел бы максимум на сорок пять.

Но ему исполнилось сто сорок девять лет и триста шестьдесят два дня. В субботу, ровно в десять утра, его биологические часы должны были быть официально остановлены.

— Алексей Иванович, — раздался из скрытого в потолке динамика мягкий, искусственно утепленный голос «Афины». — Ваша частота сердечных сокращений поднялась до восьмидесяти двух ударов в минуту. Системы фиксируют микроколебания уровня кортизола. Настоятельно рекомендую принять полдозы седативного геля.

— Выключи датчики, «Афина», — тихо, не поднимая головы, произнес Корсак. Голос у него был сухой, с легкой хрипотцой — следствие пятидесяти лет непрерывных выступлений на заседаниях Совета.

— Отключение биометрического мониторинга перед Терминальным Днем противоречит Регламенту Изоляции...

— Я написал этот Регламент, — Корсак с тихим щелчком закрутил колпачок ручки. — Выключи.

В кабинете стало чуть тише — погас едва слышный ультразвуковой гул датчиков присутствия.

Корсак поднялся с кресла. Суставы не болели — химиче-

ский состав его суставной жидкости был идеален. Но само движение давалось с трудом, словно он преодолевал сопротивление густой, видимой только ему толщи воды.

Он подошел к панорамному окну.

Отсюда, с высоты почти полукилометра, Мегалополис-1 казался гигантским, фосфоресцирующим механизмом. Своя мутная взвесь химического смога пробивались конусы света от рекламных дирижаблей. Они медленно плыли между высотками Верхнего Яруса, проецируя на серые бетонные фасады гигантские трехмерные фигуры молодых, безупречно гладких людей.

«150 ЛЕТ — ВРЕМЯ ОТДАТЬ ЭСТАФЕТУ»

«ТВОЙ ЗАКАТ — ЧЬЕ-ТО ПЕРВОЕ СОЛНЦЕ»

«ГАРМОНИЯ — ЭТО ТОЧНЫЙ БАЛАНС»

Слова. Шестьдесят лет назад он лично отбирал эти формулировки для Агитационного Бюро. Тогда они казались ему честными, поэтичными и строгими, как формулы термодинамики.

Земля умирала. В 2038 году, когда лаборатории объяви-

ли о победе над естественным старением, планета замерла в параличе. Люди перестали освобождать места. Старики не уступали должности. Молодежь, понимая, что все ресурсы и квартиры заняты теми, кто будет жить вечно, просто перестала рожать. Цивилизация погрузилась в липкий, сытый анабиоз.

И тогда Корсак предложил Закон. «Если мы не можем умереть от старости, мы должны научиться уходить по долгу».

Дверь кабинета разошлась в стороны с тяжелым, влажным шипением.

На пороге стояла Мария. На ней был больничный халат из жесткого белого лавсана, на рукаве — серебряный бейдж Клиники Эмоциональной Дегенерации. Мария не пользовалась эстетическими гелями для лица — около ее глаз залегли едва заметные, настоящие тени от недосыпа, а темные волосы были скручены на затылке в небрежный узел.

— Ты снова сидишь в темноте, — произнесла она, не переступая порог. Голос звучал сухо, без тени дочерней или внучатской нежности.

— В темноте лучше видно город, — Корсак повернулся к

ней. — Как пассаж на Сороковом?

— Рушится, — Мария прошла в кабинет, опустилась на край кожаного дивана и положила на колени свой медицинский планшет. — Сегодня привезли еще троих. Палата апатии переполнена. У всех одно и то же: полный отказ от двигательных рефлексов при абсолютной физиологической норме.

— Синдром Нулевой Точки, — тихо проговорил Алексей.

— Не нужно медицинских терминов, дед, — Мария подняла на него глаза. В них горел тяжелый, выжженный постоянным наблюдением за чужим угасанием огонь. — Назови это своими словами. Мозг не может накапливать сто лет однообразных воспоминаний. Мы отменили смерть, но забыли придумать, зачем людям жить вторую сотню лет. Они не ломаются. Они просто выгорают, как лампочки, в которых кончился газ.

— Я знаю статистику, Маша.

— Ты видишь цифры на экране! — её голос неожиданно прорвал серую тишину кабинета, став резким и звенящим. — А я вижу пятидесятилетних «молодых людей», которые не могут заставить себя встать с кровати, потому что впере-

ди у них еще сто лет такой же серой, фильтрованной дряни! Мы перестали писать сложную музыку. Мы перестали строить новые здания. Мы просто латаем то, что построили наши прадеды, и ждем, когда наступит чертова суббота, чтобы легально вколоть себе «Слип-9»!

Алексей молча слушал ее. Ему хотелось подойти, положить руку ей на плечо, сказать что-то простое и теплое — так, как он делал сорок лет назад, когда она была ребенком. Но между ними стояла плотная, невидимая стена из тысяч инструкций, актов и отчетов о «регуляции биомассы».

— Если отменить Предел, Мария, — проговорил он едва слышно, — через три года нижние яруса начнут пить воду из охлаждающих контуров реактора. А через пять — жрать друг друга.

— А может, это было бы честнее? — отрезала она, поднимаясь с дивана. — По крайней мере, они умерли бы людьми, а не скотом, который ведут на убой под музыку Моцарта.

Она повернулась и пошла к выходу. У самой двери остановилась, не оборачиваясь:

— На трансляцию в субботу я не приду. Смотри в свои камеры один.

Шлюз закрылся.

Алексей остался один. В кабинете снова стало слышно тихий заунывный свист ветра, бьющегося в бронированное стекло Башни.

Корсак подошел к столу, намереваясь подписать передаточные акты для своего преемника из Совета, как вдруг стоявший на углу стола автономный терминал — тот самый, аналоговый, не подключенный к внешней сети «Афины» — коротко и сухо кликнул.

На небольшом черно-белом монохромном экране замигала одинокая зеленая строка:

[ВНЕШНИЙ ИМПУЛЬС ЧЕРЕЗ АВТОНОМНЫЙ КАНАЛ СВЯЗИ]

[ПРОТОКОЛ "ОРИОН-9"]

Алексей замер. Пальцы, сжимавшие перьевую ручку, судорожно сжались.

Программа «Орион-9» была полностью закрыта и зачищена из государственных архивов еще в 2068 году. Все разра-

ботчики были переведены в закрытые секторы или прошли процедуру естественного замещения.

Он приложил подушечку большого пальца к углу терминала. Сканер со скрипом провел анализ капиллярного рисунка. Дисплей сменился таблицей зашифрованных текстовых блоков.

Снизу медленно, словно неохотно, побежали строки сообщений:

[ОТПРАВИТЕЛЬ: НЕИЗВЕСТНО (ОРБИТАЛЬНЫЙ СЕКТОР)]

[ГРИФ: СЕКРЕТНО / ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОРА ЗАКОНА]

[АУДИТ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ ЗЕМЛИ 2040-2095:
СФАЛЬСИФИЦИРОВАНО]

[РЕАЛЬНЫЙ ЗАПАС ГИДРО- И МИНЕРАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ: 74% ОТ НОРМАТИВА 2020 ГОДА]

[ПРИЧИНА ЗАКРЫТИЯ МАРСИАНСКОЙ ПРОГРАММЫ: СМОТРИ ВЛОЖЕННЫЙ МЕМОРАНДУМ]

Корсак смотрел на зеленые буквы, и ему казалось, что воз-

дух в кабинете резко потерял весь кислород.

Он кликнул по вложенному файлу.

На экран вывелась отсканированная копия пожелтевшего бумажного документа с грифом Исполнительного Комитета Совета от 12 августа 2042 года. Внизу стояло пять подписей. Четыре из них принадлежали уже умершим членам Президиума. Пятая подпись — ровная, с характерным завитком на букве «К» — была его собственной.

Но прямо над подписями через весь текст наискосок шел фиолетовый чернильный штамп, которого Алексей никогда не видел на оригиналах документов:

«Проект "Закат" утвержден к реализации. Истинная причина ограничений — предотвращение клеточного патогенеза "В-2" при выходе за пределы магнитосферы. Данные о дефиците ресурсов Земли сфабриковать через Агитационное Бюро для группы Корсака А. И. Использовать группу вслепую».

Алексей медленно, тяжело опустился в кресло. Ручка выпала из его пальцев и с тихим звоном покатилась по базальтовой столешнице.

Вся его жизнь. Все его математические расчеты. Вся его «философия неизбежной жертвы». Миллионы людей, отправленных в Белую Камеру с твердым убеждением, что они освобождают стакан воды для новорожденного...

Все это было искусственно созданной, хладнокровно просчитанной декорацией.

В этот момент на панели стола вспыхнул индикатор видеовызова. На экране возникло строгое, суховатое лицо Главного Инспектора Службы Регуляции Элены Вэн. Ее серые, абсолютно прозрачные глаза смотрели на него без малейшего намека на эмоцию.

— Алексей Иванович, — произнесла она, ровно чеканя слова. — Проверка контура Белой Камеры перед субботой завершена. Локальный квантовый сервер изолирован. Ваш эфирный регламент утвержден Президиумом. Как вы себя чувствуете?

Алексей смотрел на её идеальное, молодое, застывшее лицо через прозрачную матрицу экрана. Потом перевел взгляд на мигающие зеленые строки меморандума 1942 года.

— Я чувствую себя человеком, Елена, — тихо, странно изменившимся голосом ответил он, — который всю жизнь

строил дом, а под конец понял, что это была обычная детская клетка.

Элена на секунду замолчала. На её лбу не появилось ни единой морщинки, но взгляд стал чуть более пристальным.

— Идеальная клетка сохраняет птицу от хищников, Алексей Иванович, — холодно проговорила она. — Отдыхайте. До вашего Заказа осталось шестьдесят восемь часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.